
ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

«Цивилизация» и цивилизационная эволюция России

© 2020 г. Ю.Д. Гранин

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: maily-granin@mail.ru

Поступила 24.05.2020

В статье анализируется проблема продуктивности использования цивилизационного подхода к исследованию современного состояния России и ее истории. Обсуждается содержание термина «цивилизация». Доказывается необходимость понимания цивилизации в двух модусах осуществления: как процесса и как состояния. «Цивилизация» интерпретируется автором как междисциплинарная категория для обозначения разнообразия культурно-исторических типов развития экономически и политически связанных больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей), субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей. Это определение конкретизируется путем раскрытия диалектики взаимосвязи социальных, культурных, когнитивных и институциональных компонентов «цивилизации» на примере России в историческом диапазоне от Киевской Руси до современной РФ. Изучая становление и развитие Великого княжества Московского, Российской империи и СССР, автор приходит к выводу, что исторически эти политические формы имели несколько цивилизационных воплощений.

Ключевые слова: государство, идеология, империи, модерн, модернизация, трансцендентность, царство, цивилизация.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-12-34-44

Цитирование: Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 34–44.

“Civilization” and Civilizational Evolution of Russia

© 2020 Yury D. Granin

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: maily-granin@mail.ru

Received 24.05.2020

The article analyzes the problem of productivity of using a civilizational approach to the analysis of the current state of Russia and its history. The content of the term “civilization” is discussed. The necessity of understanding civilization in two modes of implementation is proved: as a process and as a state. “Civilization” is interpreted by the author as an interdisciplinary category to denote the diversity of cultural and historical types of development of economically and politically connected large communities of people and/or their aggregates (communities), subjectively and symbolically integrated into a relatively unified whole through historical and social imagination, cultural meanings, values and norms that serve as the cause, purpose and basis for the organization and functioning of these communities. This definition is concretized by revealing the dialectics of the relationship of social, cultural, cognitive and institutional components of “civilization” using the example of Russia in the historical range from Kievan Rus to the modern Russian Federation. The most important institutional factors in the formation and development of civilizations, their interaction and expansion over long distances were “universal States” – “kingdoms” and “empires”. Studying the formation and development of the Grand Duchy of Moscow, the Russian Empire and the USSR, the author comes to the conclusion that historically these political forms had several civilizational embodiments.

Keywords: state, ideology, empires, modernity, modernization, transcendence, kingdom, civilization.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–12-34-44

Citation: Granin, Yury D. (2020) “Civilization” and Civilizational Evolution of Russia’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2020), pp. 34–44.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...
Федор Тютчев, 1866

Любопытным образом своего рода «официальный ответ» Тютчеву прозвучал 10 октября 2007 г. Принимая в Кремле президента Франции Н. Саркози, президент России В. Путин процитировал поэтическую миниатюру Тютчева, заменив строчку «в Россию можно только верить» на «в Россию нужно просто верить». На страницах газеты «Коммерсантъ» этот факт в то время был оценен как «оговорка государственной важности», свидетельствующая об иррационализме власти. Но его можно интерпретировать и как вполне ожидаемую реакцию на непродуктивность теоретических поисков цивилизационной специфики России.

К тому времени на волне критики «теории общественно-экономических формаций» и в целом марксизма они продолжались уже почти 20 лет. Появилось немало работ, посвященных общим проблемам теории и истории цивилизаций, их сравнительному изучению. Но значимых результатов достичь не удалось. Наоборот. Под пером

некоторых отечественных теоретиков Россия превратилась в «варварскую цивилизацию»: оплот «манихейства», «хилиастического сознания», «архаического коллективизма», «тоталитаризма» и «восточного деспотизма». Этот теоретический оксюморон – «варварская цивилизация» – до сих пор кочует по страницам наших изданий. А тогда на фоне «цветущей и жужжащей неразберихи», как метко писали еще в конце 1990-х, светлым пятном оказались работы М.В. Ильина и В.Л. Цимбурского, развернувших, в рамках разрабатываемого ими концепта «хронополитики», дискуссию об «лимитрофах», «цивилизационных архипелагах» и «острове Россия», а также книга замечательного философа – востоковеда Б.С. Ерасова «Цивилизации: универсалии и самобытность» (2002). В значительной степени эта работа была результатом творческого переосмысления итогов многолетних исследований крупнейших представителей философии-исторической и исторической мысли Запада: О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, П. Сорокина, К. Ясперса, Ш. Эйзенштадта, некоторых других мыслителей, открывала дорогу в область *философии истории*, в контексте которой «цивилизационный подход» изначально получил право на жизнь. Но проблематика философии истории в то время интересовала немногих. Только в последние годы этот интерес стал восстанавливаться. На страницах журналов «Вопросы философии», «Философский журнал» и «Проблемы цивилизационного развития» продолжают оживленные дискуссии о смыслах истории России, ее цивилизационной принадлежности и перспектив в плане возможности предложить миру «всечеловеческий» проект эволюции, созданный на базе иных – незападных – ценностей.

В этом контексте и на основе логико-смыслового подхода к анализу мировой культурной динамики было предложено вновь обратиться к идеям классического евразийства, имея в виду многокультурность российского социума. Его специфика, отмечал А.В. Смирнов, требует осознания и затем проектной работы. «*Собирание воедино разнородных, разнонаправленных, разнокультурных движений, существующих во всех регионах и субъектах республики, – вот генеральная задача огромного, цивилизационного, по сути, мегапроекта*» [Смирнов, Шевченко 2019, 15]. Но как и в каких пределах возможно «проектирование истории», сколько «цивилизаций» (субцивилизаций) находится на территории современной России? И если они (в соответствии с гипотезой А.В. Смирнова о том, что «цивилизаций столько же, сколько типов коллективного бессознательного, или способов смыслополагания...» [Смирнов 2019, 207]) «разнородны», то как возможно (и возможно ли вообще) их собирание в многонациональную «российскую цивилизацию»? Да и на основе каких критериев различать «цивилизации» и «культуры», как, наконец, отнестись к концепции Ш. Эйзенштадта, доказывавшего, что фактором цивилизационного развития и смены цивилизаций являются «революции»?

Не имея возможности подробно разбирать проблемы цивилизационного дискурса, остановлюсь лишь на главном. Большинство российских специалистов предпочитают работать в пределах линейно-стадиального подхода к истории человечества и в парадигме, которую можно назвать «методологией структур и состояний», философским основанием которой нередко оказывается эссенциализм: вера в независимое от совокупной предметно-практической и духовной деятельности людей (объективное) существование «цивилизаций» в качестве неких ставших (а в действительности «остановленных» нами в процедурах категоризации), а не становящихся исторических явлений. Этим, в частности, можно объяснить кочующую из статьи в статью квалификацию современной России как «страны-цивилизации», начала и особенности которой предлагается искать и анализировать в горизонте обнаружения неких социально наследуемых и неизменных цивилизационных (культурных) «кодов». Даже если таковые существуют, они, так же как история в целом, процессуальны и изменяемы. Но главное – *такой подход ориентирован на поиск настоящего и будущего России в прошлом*, лишая ее перспектив цивилизационной динамики. Гораздо продуктивнее точка зрения социального конструктивизма, согласно которой известная нам история – многовекторный процесс обуславливающих друг друга тенденций дифференциации

и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и одновременно становления его целостности и единства.

Имея в виду эти соображения и результаты работ Ф. Броделя, П. Сорокина, Ш. Эйзенштадта, других исследователей, далее я буду опираться на нелинейную социально-конструктивистскую трактовку истории человечества и развиваемое мною социально-философское понимание глобализации – мегатенденции к постепенному объединению групп *homo sapiens* в «человечество», реализуемую как *многовекторное движение интегрирования*: от простых сообществ ко все более многочисленным и все более сложно (политически, культурно и идеологически) интегрированным объединениям (сообществам) людей, наиболее крупные из которых могут быть определены как «цивилизации». В региональном аспекте это историческое движение интегрирования можно интерпретировать как нелинейный процесс «*цивилизациализации*» («*цивилизациии*») человечества, осуществлявшийся на протяжении многих тысячелетий с разной скоростью и успехом на разных географических территориях планеты. Использование этого, возможно и не очень привычного, словоупотребления основывается на подчеркивании процессуальности и вариативности антропосоциокультурной формы бытия Универсума, позволяя выделить в содержании термина «цивилизация» аспекты становления и распространения фиксируемой им реальности. Таким образом, в метанаучном плане «цивилизация» может быть определена как *междисциплинарная категория для обозначения разнообразия культурно-исторических типов развития экономически и политически связанных больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей), субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей*. Это определение требует конкретизации в плане раскрытия диалектики взаимосвязи социальных, культурных, когнитивных и институциональных компонентов «цивилизации» как процесса и как состояния.

Как отмечали многие исследователи, в качестве больших и достаточно сложных социальных общностей «цивилизации» не следует отождествлять с «культурами», но можно, подчеркивая их культурную разноликость, полагать, вслед за П. Сорокиным, наличие «центрального ядра» цивилизации, состоящего из культурных смыслов, ценностей и норм совместного проживания. Поскольку в большинстве случаев территория распространения цивилизации включает в себя не один, а несколько различных в культурном плане народов (этносов), постольку необходимым условием устойчивости цивилизации является *метаидеология* – разделяемые большинством представления и универсалии («картины мира» – природного, социального), соответствующие им и господствующим практикам смыслы, ценности и нормы жизни. В их перечне важную роль занимают так называемые геополитические (во многом сакральные) «*пан-идеи*», – дискурсивно оформленные и ценностно значимые представления о центральном (вселенском) положении «своей» цивилизации на *воображаемой карте ментальной географии*.

Последняя создается с помощью «*исторического воображения*», формируемого элитами в пространстве «большой традиции» и основанного на фундаментальном идентификационном отличии «себя» от «других», помещаемых на географическую и культурную «периферию», а потому почти всегда интерпретируемых в качестве «дикарей» или «варваров». Культурный «центр», первоначально выделенный в древних цивилизациях на основе мифологических преданий, позже и по мере снятия напряжения между «трансцендентным и мирскими порядками» в актах философской и религиозной рефлексии (Ш. Эйзенштадт) в цивилизациях Осевого времени приобретает все более отчетливые очертания в процессе формирования *линейно выстроенной «идеи истории*», имевшей сначала «священный», а затем и «светский» характер. Под ее влиянием уже в Новое время в Европе и на новых – научных – основаниях утверждается различие и превосходство «цивилизированных» народов и государств. Культурный

«центр» и «варварская периферия» – только в пределах этой оппозиции в XVIII–XIX столетиях термин «цивилизация» обретает научный смысл в качестве инструмента, маскирующего превосходство экономических, политических и иных форм жизнедеятельности и развития стран Запада над формами жизни народов Востока и Юга планеты.

Впрочем, цивилизация имеет и «экономическое измерение», связанное с исторически сложившимися на ее территориях экономическими укладами и господствующим способом производства материальных благ, выбор и использование которых было обусловлено «большой» (высокой) и «малой» (народной) культурной традицией. Кроме того, цивилизация – это не только «оплотневшая» в центральном ядре, кристаллизовавшаяся в экономических и иных практиках *метакультура* и корреспондирующая с ней *метаидеология*, «осевающая» в некоторых долговременных ценностях и мыслительных парадигмах, но и некое *социокультурное целое, образованное соединением «культурного ядра» со многими социальными институтами и закрепленное ими*. Самым важным из таких институтов является «государство», которое, будучи одновременно и отделенным от основной части «общества» системой власти, в свою очередь оказывается *политической формой* организации и распространения входящих в цивилизацию локальных социумов и, как правило, всей «цивилизации».

Наиболее успешной государственной формой и фактором распространения цивилизации на большие расстояния во многих регионах исторически оказывались «царства» и «империи», которые, вслед за Тойнби, лучше называть «универсальными государствами». Хотя понятно, что цивилизации в качестве *социокультурных типов развития* очень часто перешагивали и перешагивают многие государственные и географические границы, в ряде случаев оказываясь для народов иной цивилизационной принадлежности «образцом» и «моделью развития». В данном случае под «цивилизационной моделью» понимаются формы и институты политического, экономического, социального и культурно-духовного развития, самостоятельно выработанные народами (группой народов), заимствованные ими или навязанные им в процессе колонизаций и завоеваний. Их наличие и распространение, повторим, оказывались важным фактором мировой динамики, формируя попеременно меняющиеся «центры» международного развития: «места» военного, социально-экономического и культурного доминирования в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев была «империя».

Это сейчас «империя» и соответствующие ей реалии воспринимаются как нечто регрессивное. Однако на протяжении многих столетий до и после новой эры имперская политическая форма в ряде случаев несла в себе позитивный культурно-исторический смысл, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей. Кроме того, «империум» как принцип политической организации представлял (и представляет) собой «открытый политический порядок» [Ильин 2015], оказывавшийся не только удобным средством сосуществования лингвистически, религиозно и культурно разных элит и населения имперских территорий, но и фактором их интеграции в «надэтническую целостность». Правда, этот процесс социокультурного и политического интегрирования никогда и нигде не был завершен. Полиэтничность и мультикультурность империй, политический сепаратизм элит подвластных им территорий таили в себе историческую возможность их распада на более однородные в этнокультурном отношении политические образования. Однако эти «универсальные государства» прокладывали новые торговые пути, строили дороги и, делегируя часть своей власти на «периферию», создавали (через институты образования и предоставления прав гражданства) «универсальный правящий класс», цементирующий имперское «культурное ядро» и вырабатывающий проекты не только политической, но и культурной экспансии на значительные расстояния. Так параллельно или сменяя друг друга, на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западно-

европейская» и выросшая из нее «евро-атлантическая «цивилизация», соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития, которые, объявляя соседей «варварами», естественным образом считали себя «центрами» окружающего мира и, формируя глобальные стратегии, попеременно претендовали на мировое господство.

Как известно, в борьбе за мировое господство победа досталась Европе, на территории которой сформировалась *modernity* (современность) – «цивилизация Нового времени» (Ш. Эйзенштадт), воплотившая наилучшую («капиталистическую») хозяйственную систему и одновременно передовые тип общественного (экономического, социального и политического) развития и тип общества, выступившие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования. С Россией все обстояло сложнее. Она прошла сложный путь цивилизационной эволюции, в значительной степени сохранив свою самобытность. Разумеется, трансфер знаний, техники и технологий, произведений искусства, религиозных и светских идей и идеологий, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни всегда шел в Россию и с Востока, и с Запада. Но в каждом случае имела место сложная конвергенция традиционных институциональных и духовных структур страны с «образцами» внешних влияний, оцениваемых и переживаемых в диапазоне от «варварства» и «инаковости» до «современности». При этом сама «современность» для многих стран ни прежде, ни теперь не была «единственной» и «однородной». Всегда имел место эффект «переплетенных модерностей», который имеет важное значение в аспекте объяснения цивилизационной динамики нашей страны по мере ее движения к «современности».

На воображаемой карте ментальной географии, формируемой с помощью исторического воображения и оценки форм и способов жизни ближних и дальних «соседей», «современность» располагается за границами цивилизации. Но переживается в модусе чаемого будущего, не сводимого лишь к уже явленным где-то и кем-то «прогрессивным» формам жизни, а включает и проективный «трансцендентный план» бытия – отрицающую и «традицию», и наличную «современность» *утопию*, выраженную в литературных и научных формах. В России XIX в., например, появляются заимствованные идеи «рынка» и «либерализма», с одной стороны, и грядущего «социализма», – с другой. И имманентная и трансцендентная «современность» дискурсивно противостоят друг другу, увеличивая в пространстве цивилизации онтологическое напряжение между социальными группами, но всегда оцениваются ими (хотя и с разным «знаком») как «вызов» стране, сопровождаемый чувством, получившим в социологической литературе название *ressentiment* (чувство ненависти, злобы и обиды). Из этого психологического состояния («невыносимой несовместимости») удивительным образом вырастали и вырастают противоположные социально-психологические последствия – созидательный импульс, с одной стороны, и аномия – с другой. В обоих случаях происходит трансформация ценностной шкалы цивилизации – переоценка ее ценностей, но с «разным знаком». Идет изменение ценностно-смыслового ядра цивилизации, вектор которого определяется в том числе и реальными ограничениями развития страны.

Объективные и субъективные ограничения развития России следует учитывать, обсуждая исторические особенности ее цивилизационной эволюции: *появления и смены на ее территории нескольких цивилизационных типов развития* как результата регулярного процесса «ответов» на внешние и внутренние «вызовы». Эскизно этот процесс можно представить следующим образом.

Первый вызов, который испытала Россия, – природный. По мнению Ключевского, она не могла из-за суровости природы развивать интенсивное хозяйствование и пошла по экстенсивному пути – расширению земли, единственно возможному для традиционных обществ. Но вектор и характер этого расширения начиная с X в. был задан месторазвитием страны, изначально находившейся между тюркскими каганатами, западно-христианской Франкской империей Карла Великого и Византией, инерцией институтов архаики и социокультурными особенностями многочисленных племен, проживавших на территории Древней Руси. Расположенная на водном пути «из варяг

в греки» Древняя Русь – это «королевство городов» (*Гардарики*, как называли ее скандинавские наемники – варяги) – фактически представляла собой «*лимитроф*»: пограничный пояс между странами разной цивилизационной принадлежности. После официального принятия христианства «от ромеев» и крещения в 988 г. князем Владимиром в водах Днепра «киевских людей» силой огня и меча, породивших, в частности, в Новгороде, Ростове, Муроме и ряде других мест массовое сопротивление славян-язычников, появляется экономически и культурно сильное Киевское княжество, политический строй которого мало отличался от современных ему государств западно-христианской Европы. Как отмечает Ф. Бродель, «тогдашние русские города были настоящими западными городами. Киевская Русь веками славилась именно блеском своих городов, символизировавших материальное благополучие страны: в этом плане между Западом и Востоком Европы не наблюдалось никакого отставания, никакого разрыва» [Бродель 2008, 504]. Более того, обладая принятыми в то время демократическими институтами правления («вече»), которые распространялись на прилегающие к ним сельские территории, первые русские города были «открытыми» городами, в этом походя на города античности. Правда, Киевское княжество отличалось от современных ему королевств большими размерами и заимствованной у степняков «лествичной» формой наследования удельных княжеских престолов, которая уже с середины XI в. провоцировала распад относительно единого государства на отдельные родовые княжества.

Была ли Киевская Русь особой локальной цивилизацией? Скудость исторических источников не позволяет сделать однозначный вывод о степени культурной интегрированности населявших ее народов и характере правовой регуляции между социальными группами. Заимствуя у греков христианскую веру, Русь «византийским правом не прельстилась» [Ахизер, Клямкин, Яковенко 2008, 46]. Конечно, абстракция христианского Бога содержала в себе культурно-символический интегративный потенциал, позволивший значительно продвинуться по пути построения государства и создававший задел для будущего развития. Но само *православие прижилось на Руси в его «русском изводе»*: превалированием принципа «благодати» над «законом» (Митрополит Илларион, XI в.), и в качестве *объединяющей всех религиозной метаидеологии в XI–XII вв. еще не стало доминантой развития*. Хотя уже отделило Византию и Русь – «схизматиков» – от западноевропейского «христианского мира». Последний тоже еще не представлял цивилизационного целого, но активно (в лице Польши, Литвы и германских рыцарских орденов) в начале XIII в. заявлял претензии на исторически «роусские земли». А с Востока на них надвигалась «кочевая империя» Чингисхана, двухсветлее властвование «улусов» которой на русских землях разрушило протоцивилизацию Киевской Руси.

К сожалению, я не могу подробно остановиться на этом моменте нашей истории, завершившемся *созданием особой цивилизационной модели развития уже во времена Московской Руси*. Имея в качестве метаидеологии православие с политическими претензиями вселенского характера («Москва – третий Рим, а четвертому не бывать»), Великое княжество Московское за времена «византийского влияния» и господства Золотой Оды инкорпорировало в свой состав идеи «политического исихазма», самодержавия и деспотические формы правления, легитимизировало вседозволенность власти, ограничив в правах (в разной степени) все сословия. Вместе с ними образовывалось и «культурное ядро» нового царства: в пространстве «большой традиции» *формировалась* впитавшая идеи византийского платонизма и гуманизма и вместе с тем обосновавшая права Ивана III и его потомков на земли Великого княжества Литовского, «*русская книжность*», *религиозная литература и иконопись*. Вместе с тем культурное движение в Великом княжестве Московском сопровождалось упрочением государственно-общинного способа производства, с характерным для последнего отсутствием частной собственности на землю, и формированием служилой «бюрократии», управляемой из одного центра. В то время как в Западной Европе начинает утверждаться западная «современность» (modernity), на ее восточных окраинах *возникает*

основанная на традициях православная цивилизация, политически оформленная в «Московское царство», осознающее себя «наследницей Рима», «центром православного мира» на воображаемой карте ментальной географии и имеющее претензии вселенского масштаба.

Поскольку исторически эта цивилизация оказалась отрезанной от морских коммуникаций, ее географически и политически вынужденная экспансия уже в XVI столетии осуществлялась в двух направлениях: была направлена к Уралу и за Урал (колонизация Сибири), и на Запад. Начавшись еще при Иване III, Ливонские войны были продолжены Иваном Грозным, завершившись для нас наступлением Смутного времени. Анализируя этот период, А. Тойнби писал: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе “вестернизации”, которую возглавил Петр Великий» [Тойнби 1991, 147].

Разумеется, интерпретация Тойнби реформ Петра в качестве начала вестернизации России приятна русскому уху, но не соответствует действительности. Попытки «европеизировать» страну начались гораздо раньше. Уже со времен Ивана IV существовало регулярное профессиональное войско (стрелецкие полки), вооруженное современным пороховым оружием, малыми тиражами печатались светские книги разных жанров (сатирические и автобиографические повести, силлабическая поэзия, драматургия), издавались исторические сочинения, возникла светская живопись, в XVII в. при царском дворе появился театр – *формировалось «культурное ядро» новой православной цивилизации, которое позже будет названо «русским барокко».*

Отмечая во многом заимствованный характер этого культурного явления, некоторые исследователи квалифицируют его появление как свидетельство «интеллектуального выбора» страны в пользу «европейской учености». Но эта «ученость» была явлена стране в ее, так сказать, «провинциальном» изводе: культурный трансфер в Россию шел через Польшу и Украину, а потому не был связан с «модернизацией». Речь шла об усвоении церковно-славянской «греческой учености». Обращение к последней началось в период церковных реформ патриарха Никона, завершившихся религиозным расколом, деформировавшим «ценностно-смысловое ядро» православной цивилизации. Последнее никогда не было однородным. Но оно по крайней мере до 2-й половины XVII в. было единым в срезе религиозных оснований. Хотя масштабы этого ценностно-смыслового ядра были невелики. Географически они ограничивались территориями распространения великорусского этноса, а социально – пространствами использования разговорного старорусского языка и доминированием церковнославянского языка в богослужении и письменной речи, понятного, прежде всего, духовенству. Остальные сословия в разной степени были приобщены к «высокой культуре»: в большей степени знать и высшее дворянство, в меньшей – дворянство служивое и «низшее» (провинциальное), купечество и формирующееся городское мещанство. Несмотря на расширение границ царства на Восток, развитие промышленности на Урале, господствующим продолжал оставаться государственно-общинный способ производства, главной производительной силой которого было неграмотное многомиллионное крепостное крестьянство. И все это вместе создавало колоссальное антропологическое препятствие для реформирования страны. В процессе заимствований возникал уже отмеченный выше *ressentiment*, провоцировавший распад системы устоявшихся ценностей и норм, с одной стороны, и использование прежней ценностной иерархии для трансформации нововведений по старым образцам – с другой. И в том, и в другом случае происходило размывание ценностно-смыслового «ядра» цивилизации. Поэтому все попытки «европеизации» России XVII–XVIII столетий были поверхностными и, как правило, имели имитационный характер.

Имитация и формализм – очень частые «родимые пятна» реформирования страны, не изжитые нами до сего дня. Собственно, Петр I начал именно с этого – перемены

платья и бритья бород. Но он, и это важно, не собирался реформировать всю Россию по европейским лекалам, вплоть до конца жизни у него, как отмечал Ключевский, даже не было сколь-либо продуманного плана действий [Ключевский 1989, 191]. Относясь к Западу с недоверием, он заимствовал из багажа *modernity* лишь одно «политическое изобретение» – структуры госуправления «камералистского государства»: десять по-шведски устроенных коллегий и Сенат, в которых при его жизни процветали ожесточенные раздоры и казнокрадство. Кроме них были заимствованы формы организации промышленного производства (мануфактуры), армии, флота и, что очень важно, современная форма организации научной деятельности и образования – Российская Академия наук и художеств. Но намерений у Петра и его приемников (за исключением Александра I) провести социальную и политическую модернизацию империи не было.

Реформы ограничились «европеизацией» российского дворянства и формированием космополитичной имперской правящей элиты из иноверных иноземцев – «универсального правящего класса». Тем самым, несмотря на появление газет, журналов и Московского университета, разрыв между русской «народной культурой» (не говоря уже о десятках других) и «высокой культурой» правящего слоя к концу XVIII столетия был не сокращен, а увеличен. Да и сама представленная в столичных салонах так называемая «высокая культура» знати была лингвистически гетерогенной, являя собой «смешенье языков – французского с нижегородским». А действительно свободных людей в России фактически не было. «Вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и прочая, – писал в 1802 г. в “Отрывке о Комиссии Уложения” Сперанский, – нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые являются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов» [Сперанский 1961, 43].

Цивилизационная модель, по которой жила империя весь XVIII в., фактически, если воспользоваться термином Шпенглера, представляла собой «псевдоморфозу» – причудливое сочетание европейских форм жизни с неевропейским смысловым и ценностным содержанием, влагаемым в эти формы плохо образованным чиновничеством, духовенством, городским мещанством, купечеством и мелкопоместным дворянством. Была ли эта «классическая» для многих стран «второго эшелона» развития псевдоморфозная модель социокультурной эволюции органичной для царской России? По-видимому. В любом случае многомиллионные разноязыкие, поликонфессиональные и неграмотные народы России находились вне ее центрального «культурного ядра»: их самосознание строилось на основе многочисленных архаичных местных и региональных (этнических) идентификаций, а само *русское* «культурное ядро» только начинало формироваться в первой половине XIX столетия по мере осознания Романовыми себя «великороссами» и под влиянием исторических сочинений (Татищев, Карамзин), деятельности славянофилов, русского литературного языка и литературы, журнального дела и системы светского начального и высшего образования.

Эти и многие другие культурные инновации уже к середине столетия могли бы довольно быстро и значительно изменить интеллектуальный облик России, если бы задуманные М.М. Сперанским реформы были осуществлены. Но они были приостановлены запиской Н.М. Карамзина «О древней и новой России». А события 25 декабря 1825-го и восстание 1830–1831 гг., в ходе которого польский сейм детронизировал Николая I, окончательно похоронили надежды на политические реформы, трансформировав идею европейского национализма, теснейшим образом связанную с идеей формирования демократических структур принятия политических решений, в доктрину «официальной народности», признававшую деспотию и рабство атрибутами православной России. «Приняв химеры ограничения власти монарха, – писал министр образования граф Уваров, – равенства прав всех сословий, национального представительства на европейский манер, мнимо-конституционной формы правления, колосс не протянет и двух недель, более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены» [Миллер 2015, 130].

Разумеется, этого не случилось и спустя полвека. Но к середине XIX столетия в стране сложилась своеобразная великорусская государственная идеология, дополненная идеями «великой державы» и миссией панславизма. Собственно модернизация начинается в России с реформ Александра II, который ввел общедоступность и внесловность начального образования, самоуправление университетов и многое другое. Именно тогда Запад становится для России образцом развития, идея приблизится к нему – догоняющей моделью модернизации, индустриализацией, капитализмом – целью, которую надо выполнить.

В начале XX в. эта цель была достигнута: Россия твердо стала на путь капиталистического развития, сопровождавшийся появлением новой социально-классовой структуры общества, нового специфичного для России социального слоя – «революционной интеллигенции». Тогда же, к концу XIX – началу XX в. завершается формирование «культурного ядра» новой *российской цивилизации современного типа*, давшей миру великую русскую поэзию и прозу, великую музыку и живопись, великую науку, архитектуру и балет. Но поскольку многомиллионное русское и «иностранное» крестьянство, практикующее архаические формы жизни и мысли, составляло подавляющее большинство населения империи, *эта цивилизация имела гибридный характер*. Она двигалась навстречу «большой Европе» [Миронов 2014–2015]. Но ее ценностно-смысловое ядро не было однородным, а включало в проективный «трансцендентный план» бытия социально-политическую *утопию*, не сводимую лишь к уже явленным Западом «прогрессивным» формам жизни, а предполагающую выход за их пределы в пространство «другого модерна», выраженного многоликим художественным «авангардом» и политическим «футуризмом».

Последний в лице большевиков, эсеров и анархистов предлагал безжалостно уничтожить «эксплуатацию», «частную собственность», «классы» и «буржуазное государство», мешающие народам обрести «новый мир». «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем, мы наш, мы новый мир построим...» – с этим кредо большевиков (и не их одних) были солидарны не только представители литературного, театрального и художественного авангарда, но и многомиллионные массы рабочих и крестьян. С их согласия и благодаря их поддержке *Россия открыла эпоху «альтернативного модерна» и «альтернативной истории», реализовав новый тип цивилизационного развития* с новыми и, как теперь ясно, невыполнимыми, но восходящими к идеалам Просвещения, задачами: воспитанием «нового человека» и построения новой исторической общности – «советского народа». На обломках царской империи *возникла империя нового типа – советская империя «положительной деятельности»* [Ливен 2007], *которой за короткое время удалось создать новую «советскую цивилизацию»*, основанную на административно-командной государственной экономике и однопартийной системе, но с принципиально новым ценностно-смысловым каркасом [Гранин 2019].

Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее нет не только объединяющей народы политической и религиозной метаидеологии, но и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Скорее, она, как и в начале XX в., представляет собой *цивилизационный гибрид*, причудливо сочетая элементы архаики, советского прошлого и западной «современности». Необходим проект цивилизационного развития России – формирования ее нового ценностно-смыслового ядра. В настоящее время оно ориентировано в прошлое – там в великих победах наша страна ищет (и находит!) оправдание своего нынешнего положения, своей «суверенной демократии» и другой «цивилизационной специфики». Но в карете прошлого далеко не уедешь. Нужен идеологически выраженный прорыв в Будущее – футуризм, способный мобилизовать население на реализацию утопии: построение нового государства и нового общества: общества свободы, ответственности, солидарности, справедливости и реального гуманизма. Такого общества нет нигде. Но это не значит, что к нему не стоит стремиться.

Источники и переводы – Primary Sources in Russian Translations

- Бродель 2008 – Бродель Фернан. Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. Б.А. Ситникова. М.: Вест Мир, 2008 (Braudel, Fernand, *Grammair edes civilisations, Russian Translation*).
- Ключевский 1989 – Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. Т. IV. М., 1989 (Kliuchevsky, Vasily O., *A Course in Russian History*, in Russian).
- Ливен 2007 – Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007 (Lieven, Dominic, *The Russian Empire and Its Enemies from the XVI Century to the Present Day*, Russian Translation).
- Мионов 2014–2015 – Мионов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. СПб.: Дм. Буланин, 2014–2015 (Mironov, Boris N., *The Russian Empire: “from Tradition to Modernity”*, in Russian).
- Сперанский 1961 – Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 43 (Speransky, Mikhail M., *Projects and Notes*, in Russian).
- Тойнби 1991 – Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. Сборник. М.: Прогресс, 1991 (Toynbee, Arnold J., *A Study of History*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

- Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2008 – Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? / 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2008.
- Гранин 2019 – Гранин Ю.Д. Цивилизационная специфика советской и современной России // European Journal of Philosophical Research. 2019. № 6 (1). С. 40–53.
- Ильин 2015 – Ильин М.В. Patrimonium et imperium: метаморфозы двух прототипических порядков в зеркале эволюционной морфологии (часть 2) // ПОЛИТЭКС. 2015. № 1. С. 5–24.
- Миллер 2015 – Миллер А. История понятия «нация» в России (От Петра I до Крымской войны) // Вестник российской нации. 2015. № 1. С. 130.
- Смирнов 2019 – Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: Садра: ЯСК, 2019.
- Смирнов, Шевченко 2019 – Беседа директора Института философии РАН академика РАН А.В. Смирнова с главным редактором журнала В.Н. Шевченко // Проблемы цивилизационного развития. 2019. Т. 1. № 1. С. 5–16.

References

- Akhiezer, Alexander, Klyamkin, Igor, Yakovenko, Igor (2008) *History of Russia: the End or a New Beginning?*, New Publishing House, Moscow (in Russian).
- Granin, Yury D. (2019) “Civilizational Specifics of Soviet and Modern Russia”, *European Journal of Philosophical Research*, Vol. 6 (1), pp. 40–53 (in Russian).
- Ilyin, Mikhail (2015) “Patrimonium et Imperium: Metamorphoses of Two Prototypical Orders in the Mirror of Evolutionary Morphology (part 2)”, *POLITEX*, Vol. 1, pp. 5–24 (in Russian).
- Miller, Alexey (2015) ‘History of the Concept of “Nation” in Russia (from Peter I to the Crimean War)’, *Bulletin of the Russian Nation*, Vol. 1, pp. 115–137 (in Russian).
- Smirnov, Andrey V. (2019) *All-Human vs Panhuman*, Sadra, YASK, Moscow (in Russian).
- Smirnov, Andrey V., Shevchenko, Vladimir N. (2019) “Interview of the Director of the Institute of Philosophy RAS Academician of RAS A.V. Smirnov with the Editor-in-chief V.N. Shevchenko”, *Civilization Studies Review*, Vol. 1. No. 1, pp. 5–16.

Сведения об авторе

ГРАНИН Юрий Дмитриевич –
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН.

Author’s Information

GRANIN Yury D. –
DSc in Philosophy, Professor,
Leading Researcher at the Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.